

СУДЬБА УЧЕНОГО (интервью с член-корреспондентом, профессором Б.Г. Юдиным, 9 февраля 2009 г.)

*Уважаемые коллеги! Представляю Вашему вниманию еще одно интервью. Я знаю Юдина Бориса Григорьевича давно. Наши отношения эволюционировали постепенно от внимательно-доброжелательных к дружески-ироническим. Да, именно дружеская ирония определяет во многом стиль наших сегодняшних взаимоотношений. Но речь пойдет сегодня не о наших отношениях. Тема нашего разговора — **судьба ученого в России, сложившаяся на переходе от советского к постсоветскому времени.***

Борис Григорьевич всегда удивлял меня своим спокойным и доброжелательным отношением к людям, граничащим на взгляд стороннего наблюдателя с легковерием, а возможно даже и равнодушием. Но такое впечатление, если оно вообще могло бы у кого-то сложиться, весьма обманчиво. Перед нами умный, добрый и совершенно небезразличный (к себе и людям) человек. Он нашел свое место в жизни, не особенно претендуя на статусные позиции, но получая зачастую то, что трудно доставалось людям, жаждущим власти и постов.

*Теперь о вариантах **жизненного выбора**, которые имеются у каждого человека, вступающего в науку. Я бы выделил по степени автономии и автономного существования в науке две категории ученых, условно говоря, — **протагонистов** и **антагонистов** [1].*

Первые предпочитают «играть по правилам», производить впечатление, плыть по жизни, используя в свою пользу подводные течения, распространенные в глубинах социального океана. Это те люди, которые легко идут по жизни, подбирая плоды с деревьев, которые им не всегда принадлежат. Они широко пользуются покровительством и своими связями с полезными и влиятельными людьми, накапливая и расширяя постепенно свой социальный капитал. Обычно они играют роль «своих», «хороших» парней, у которых все «схвачено» в жизни и продумано.

Их прямая противоположность — ученые-антагонисты, которые всю свою жизнь добиваются всего сами (или думают, что это так), полагаясь только на себя и свои силы, а иногда идут против течения. В общественном мнении они часто воспринимаются как «чужие», «плохие» парни, которые противопоставляют себя и свои интересы коллективу. Им приходится непрерывно преодолевать реальные (или мнимые) трудности и невзгоды на своем пути. Но это — обязательная плата за их ощущение свободы и независимости, которые они ценят больше всего. Поэтому у них нет прямых начальствующих покровителей, помогающих им разбирать формальные завалы и организационные препятствия на жизненном пути. Самое большое, на что они могут рассчитывать, так это на дружескую поддержку и понимание близких им по духу людей.

По моему убеждению, Борис Григорьевич находится где-то посередине между этими двумя категориями ученых. Ему повезло с людьми, которые встретились на его жизненном пути и помогли ему определиться в науке. Но главное в жизни и науке он сделал

сам, своими руками, привнеся свою индивидуальность в дело, которому посвятил большую часть своей жизни.

Конечно, судьба самого Бориса Григорьевича, как и любого человека, складывалась под воздействием близкого окружения. Непосредственно на выбор пути в науке глубокое влияние оказал его брат — Э.Г. Юдин. Серьезную поддержку в его становлении как ученого оказали также Бонифатий Михайлович Кедров и Вячеслав Семенович Степин, под началом которых он работал в разное время. Однако самое значительное участие в научной судьбе Б.Г. Юдина принял Иван Тимофеевич Фролов, с которым его связывала совместная и плодотворная работа в разных структурах — редакции журнала «Вопросы философии», Институте человека.

Были ли трудности в жизни и работе Б.Г. Юдина? Безусловно, да. В начале своей научной карьеры он не раз сталкивался с идеологическими противниками, отстаивающими догматические версии марксизма. Но ему везло и на хороших людей, которые поддерживали в трудные минуты жизни. К тому же изменились времена, и в стране полным ходом развернулась перестройка, которая принесла, кроме развала прежней системы и ее идеологии, глоток свободы, выразившийся в расширении гласности. Именно в этот период жизнь нашего героя, как и большинства других ученых, изменилась к лучшему. Он становится востребованным исследователем и руководителем, его избирают в члены-корреспонденты РАН по отделению философии, назначают исполняющим обязанности директора Института человека РАН.

И, тем не менее, независимо от своих либерально-демократических убеждений Борис Григорьевич оказался человеком своего времени и своей страны. Он не только пользовался плодами покровительства, но и сам поддерживал многих людей, которые оказывались в затруднительном положении, становясь вольно или невольно их покровителем. Я лично благодарен ему за то, что он взял меня на работу в Институт человека в трудное для меня время. Очень надеюсь на то, что за восемь лет нашей совместной работы он не пожалел о своем решении.

Скажу больше, ни с кем мне так комфортно не работалось, как с Борисом Григорьевичем. Своим мягким и доброжелательным стилем руководства он сумел расположить к себе людей. С ним легко и интересно работать тем, кто превыше всего ценит свободу и независимость в своем научном творчестве. Возможно, ему не хватило организационно-управленческих усилий, способности удержать самостоятельную структуру Института человека в сложных условиях, но талант творческого человека, умеющего создавать творческую атмосферу в коллективе, оказался у него в избытке.

Проблема **покровительства** науке и ученым со стороны сильных мира сего — это вообще отдельная тема. Ведь без поддержки тех, кто занимает командные позиции в научном сообществе, не обойтись не только начинающим, но и «продвинутым» ученым. В отечественном общественном сознании это было всегда и, наверное, будет еще долгое время, хотя многие либерально настроенные ученые справедливо считают это пережитком прошлого, данью патриархальным традициям в нашем обществе. Ведь важнее не вступать в бесплодную конфронтацию, а научиться использовать сильные стороны своего руководства в интересах науки и научного сообщества, а значит и своих собственных интересах.

Несмотря на улыбку фортуны, которая не раз благоволила Борису Григорьевичу, и поддержку коллег, его нельзя считать баловнем судьбы. Он настоящий труженик науки, что постоянно доказывает своими новыми трудами.

Известно, что у каждого человека имеется собственная **жизненная история** — описание «знаковых» событий, оказавших глубокое влияние на его жизнь. Разумеется, такая история является усредненным результатом как личных рассказов о жизни, так и рассказов других людей о нем — родителей, других родственников, друзей, коллег и знакомых. От жизненной истории следует отличать **жизненную легенду** человека или его миф о собственной жизни, который он использует в рассказах о жизни, выстраивая события в нужной для него последовательности и переосмысливая (переоценивая) со временем их конкретный статус (например, мифы «своего» или «чужого» человека, «неудачника» или «преуспевающего человека», «известного ученого» или «рядового науки» и др.).

Есть своя жизненная легенда и у Бориса Григорьевича. Я не беру на себя смелость разъяснять читателям то, в чем она непосредственно выражается. Полагаю, что и сам Борис Григорьевич еще не во всем разобрался. Но главное в его легенде то, что он связывает свои научные ценности с общечеловеческими, со свободой человека, его личным достоинством и творческим потенциалом. Не случайно круг его научных интересов находится в области методологии комплексного и междисциплинарного изучения человека, гуманитарной экспертизы и биоэтики.

Во всем, что касается нынешнего статуса Бориса Григорьевича в науке, доминирует одна характерная особенность — способность удерживать разумную дистанцию с вышестоящим руководством и сохранять при этом собственное достоинство. Но за многое в жизни приходится платить. Думаю, что утверждение своей ниши в науке и годы отстаивания права Института человека на существование не прошли даром. И очень часто такой платой становится наше здоровье. Борис Григорьевич перенес тяжелое заболевание, что к счастью не снизило его творческий потенциал и не ослабило волю к жизни.

Та или иная мифология жизни проистекает из сознательного (или неосознанного) следования определенной **парадигме жизни**. Я различаю парадигмы развития и становления. Именно в парадигме развития имеют большое значение образы успешного, удачливого или неудачливого героя и т.д. Напротив, в парадигме становления каждый человек и его жизнь имеют ценность независимо от принятых в обществе формальных критериев и социальных стандартов. Он рожден, чтобы осуществить свою матрицу предназначения и по возможности прожить счастливую жизнь, реализовать разные жизненные сценарии, наполнить свой внутренний мир новыми образами или смыслами.

Я убежден, что Борис Григорьевич Юдин нашел свое предназначение в жизни и науке. Ему чужда логика развития как бесконечная гонка за постами и званиями, как вектор расширения сферы влияния и утверждения своего господства в ней. Не случайно Институт человека стал для него не только проектом, но и человекоцентрированным мировоззрением. Он ближе всего подошел к парадигме становления с ее ценностными приоритетами и выстраиванием горизонтальных связей в сообществе своих коллег.

Обратимся теперь к вопросам, касающимся разных сторон научной судьбы этого человека.

Юрий Резник

Об истоках

Юрий Михайлович Резник: Первый вопрос. Борис Григорьевич! Как известно, все мы владеем техниками самоцензуры и фильтрации сообщаемой информации. Готовы ли Вы к откровенному разговору?

Борис Григорьевич Юдин: Ну что ж, попробуем, хотя я не могу сказать, что готов к такому разговору на все 100%.

Ю.М.: *Вы, как это принято считать, «технар» по образованию. Что побудило Вас обратиться к философии, к гуманитарным исследованиям?*

Б.Г.: Здесь надо было бы говорить не «что», а «кто». Я оканчивал среднюю школу в 1960-м году, и в это время из сибирских лагерей вернулся мой старший брат, Эрик Григорьевич. По образованию он был юристом, но затем закончил аспирантуру по философии, защитил диссертацию и по распределению поехал преподавать в Томск, в пединститут.

В 1956-м году с ним случилась такая история. После событий в Венгрии, где было подавлено антикоммунистическое восстание, произошел откат в области идеологии, да и вообще во внутренней политике, в результате стали ужесточаться санкции в отношении тех, кто «шагал не в ногу». Брат выступил на партийном собрании. Выступление его было критическим по отношению и к местной власти, и к политике партийного руководства в целом. Он говорил о том, что в первые советские годы партийные работники приходили в рабочие коллективы, что-нибудь рассказывали, обсуждали, а сейчас этого нет.

Ю.М.: *По сегодняшним меркам абсолютно безобидное выступление.*

Б.Г.: Да. И по тем меркам оно поначалу воспринималось так же. На том собрании были и другие критические выступления. Но буквально через несколько дней «сверху» начали «закручивать гайки», а в конце декабря 1956-го года вышло закрытое письмо ЦК об усилении идеологической борьбы. Это дало власти возможность проявить жесткость. На этом партсобрании брата избрали в партбюро, он был молодым кандидатом наук, к нему хорошо относились студенты.

Ю.М.: *Он попал туда по распределению?*

Б.Г.: Да, хотя вполне мог остаться работать в Москве.

И вот началось сильное давление сверху. Тех людей, которые поначалу его поддерживали, теперь заставляли каяться и выступать с обвинениями в его адрес, так что уже через пару месяцев они признавались, что не разглядели в нем лютого врага.

Ю.М.: *Это, по сути, была вторая струя сталинизма. То есть оттепель наступила не сразу.*

Б.Г.: Нет, она наступала, но потом следовал откат. Так за хрущевское десятилетие бывало не раз. И конец 56-го, как и 57-й год, были временем репрессий, конечно, не таких масштабных, как сталинские, но все же многих людей тогда посадили.

Вот так и мой брат попал под репрессии: был выгнан с работы, исключен из партии, арестован в самом конце 1956 г. и до марта 1960 г. отбывал срок в исправительно-трудовых лагерях в Сибири. Он был осужден по части 1 статьи 58-10 УК РСФСР — антисоветская агитация и пропаганда.

Что касается меня, то я рос шалопаем, и мне было в общем-то все равно, в какой вуз поступать. Однако наученные горьким опытом родители были категорически против того, чтобы я шел учиться в гуманитарную сферу. В итоге я попал в МВТУ им. Баумана, учился на инженера, должен был заниматься машинами и оборудованием для обработки металлов давлением, точнее — проектированием трубопрокатного оборудования. Окончив МВТУ, я работал инженером чуть меньше, чем полтора года, занимался проектированием оборудования во Всесоюзном научно-иссле-

довательском институте металлургического машиностроения (ВНИИМЕТМАШ). Нашелся этот институт на Рязанском проспекте, совсем близко к моему дому.

Когда я оканчивал школу, мой старший брат как раз освободился. Он вернулся в Москву, где с трудом устроился на работу, да еще какую! Будучи кандидатом философских наук, стал работать прессовщиком на заводе резинотехнических изделий.

Ю.М.: А Ваши родители кто по профессии?

Б.Г.: Оба родителя – металлурги. Мама работала в Госплане Союза, в отделе, который занимался металлургией, отец – в Министерстве черной металлургии СССР.

Ю.М.: Вы были младшим сыном?

Б.Г.: Да, из сыновей был младшим. Вообще нас пятеро. Сестра Татьяна пошла по педагогической стезе. Она самая младшая. Еще есть брат Анатолий, он моложе Эрика, но старше меня. Он получил металлургическое образование и работал в научно-технических учреждениях. Также еще была старшая сестра Эмма. К сожалению, она умерла в студенческом возрасте.

Ю.М.: Поддерживаете ли Вы отношения с ними?

Б.Г.: Да, конечно. Как раз недавно собирались, отмечали юбилей моего брата.

Ю.М.: В науку пошли только Вы и Ваш брат Эрик?

Б.Г.: Нет. Сестра работает в одном из НИИ Российской академии образования. Да и средний брат, так или иначе, связан с прикладной наукой.

Ю.М.: Получается, что по стопам родителей пошел только средний брат. Вы же сменили семейную профессию. И как же это произошло? Как складывалась Ваша дальнейшая судьба?

Б.Г.: Когда брат освободился в 60-м году, я еще был школьником. Здесь, в Москве прописывать его не хотели, а в Томске никого из родных не было, да и желания возвращаться туда у него тоже не было. В Москве же его ждали проблемы с устройством на работу и с пропиской. В конце концов, его и определили на завод резинотехнических изделий.

Ю.М.: Брат оказал на Вас сильное влияние?

Б.Г.: Да, конечно. После возвращения друзья познакомили его с Г.П. Щедровицким. И он начал посещать семинар Московского методологического кружка, где довольно быстро стал одним из его лидеров. Вскоре он начал оказывать воздействие и на меня, давал читать литературу по истории философии, мы с ним вели долгие беседы. Постепенно я начал втягиваться в его орбиту, будучи еще студентом МВТУ. Потом брат ушел с завода резинотехнических изделий. Какое-то время он был безработным, а затем его устроили в философскую редакцию издательства «Советская энциклопедия». В то время редакция выпускала совершенно уникальное издание – знаменитую «Философскую энциклопедию», и до его прихода уже вышли в свет первые три тома энциклопедии. Он работал над четвертым и пятым томами. Вел проблематику диамата (не надо пугаться – так тогда называлось то, что теперь именуют онтологией, теорией познания, эпистемологией и т.п.), философских вопросов естествознания и психологии. В те годы он тесно сотрудничал с Г.П. Щедровицким, но спустя некоторое время от него отошел, как это происходило и со многими другими коллегами. У Георгия Петровича был весьма авторитарный характер и стиль.

Ю.М.: Да, ведь он был харизматическим лидером?

Б.Г.: Да, безусловно. Но сейчас я хочу сказать о другом – о том, что он бывал очень жестким в отношениях с коллегами. Я тоже посещал эти семинары, и видел, что

временами он вел себя довольно резко, и далеко не всем это нравилось. К 75-летию Г.П. Щедровицкого вышла чрезвычайно интересная книга «Познающее мышление и социальное действие», авторы которой – многие наши ведущие философы, психологи и т.п., анализировали его творчество и его личность, есть там и моя статья. И многие из авторов, включая меня, высказывали по адресу Георгия Петровича, точнее, тех или иных его идей или сторон его личности, весьма критические оценки.

Ю.М.: *Безусловно, это была Личность с большой буквы. Впрочем, как и Ваш брат.*

Б.Г.: Брат давал мне различную литературу, в т.ч. книги по кибернетике, которая была тогда чрезвычайно популярной. Вышло несколько публикаций, как отечественных, так и переводных, по проблемам самоорганизации. Именно брат подтолкнул меня заняться этой проблематикой более серьезно. И вот я, тогда еще студент технического вуза, стал заниматься философскими проблемами самоорганизации, готовить первые публикации по этой тематике. А в скором времени брат предложил мне написать статью «Самоорганизующаяся система» для 4-го тома «Философской энциклопедии». Вместе с ним мы ездили в Тбилиси, где была большая конференция по философским вопросам кибернетики. Вместе с ним мы ездили и в Тарту, на Всесоюзную конференцию по философским проблемам моделирования. Все это было в мои студенческие годы. Таким образом, к моменту окончания МВТУ я уже был вполне перенастроен на гуманитарную проблематику.

Ю.М.: *Это в основном заслуга брата?*

Б.Г.: Да, в значительной мере, его, хотя, конечно, это никоим образом не означает, что он писал или переписывал мои тексты либо диктовал мне, о чем и что я должен писать. По окончании же МВТУ мне пришлось идти работать по распределению инженером-конструктором, в уже упомянутый мною ВНИИМЕТМАШ. Тогда же я поступил в заочную аспирантуру по философии в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Там как раз была создана группа системного исследования науки, в которую входили И.В. Блауберг, В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин. Вадим Николаевич Садовский и стал моим научным руководителем.

Ю.М.: *Там собрались сильные системщики, фактически все ведущие специалисты в этой области.*

Б.Г.: В конце 1968-го года появилась возможность перейти в Институт конкретных социальных исследований АН СССР, в сектор, который возглавлял Юрий Александрович Левада. Таким образом, я учился в заочной аспирантуре ИИЕТ и работал младшим научным сотрудником в ИКСИ. Заочная аспирантура была четырехлетняя, но я сделал кандидатскую и защитил ее через три года в Институте философии РАН, в секторе, которым руководил тогда Владислав Александрович Лекторский. Когда начался разгром ИКСИ, сектор Левады, естественно, оказался одной из главных мишеней, так что мне пришлось снова искать новое место работы.

Одним из вариантов стала философская редакция издательства «Наука». Тогда там работал главным редактором Александр Николаевич Сахаров, историк, ныне академик, директор Института российской истории РАН. Мы с ними поговорили, и в результате оказалось, что я ему не подхожу. От этой встречи у меня осталось такое воспоминание: я сижу в кабинете Сахарова, мы с ним беседуем, а у меня в мозгу без конца вертится мысль: этого человека я где-то уже видел, его взгляд мне определенно знаком. Припомнить я так и не смог, и лишь потом этот эффект «дежа вю» получил свое объяснение: мне рассказали, что прежде Сахаров работал в аппарате ЦК, а

по моим наблюдениям, у многих прошедших этот путь выработывался стиль смотреть на собеседника характерно-пронзительным взглядом.

Был среди вариантов и Институт научной информации по общественным наукам – ИНИОН АН СССР, но и там не получилось: кто-то из тамошнего начальства спутал меня с моим старшим братом, который, как им было известно, сидел по политической статье, т.е. был неблагонадежным.

Еще одним вариантом стала редакция журнала «Вопросы философии». К тому времени я опубликовал в этом журнале статью по проблематике целостности, редуccionистских и ирредуccionистских подходов в научном познании. Безусловно, статья не была бы опубликована, если бы не получила одобрения со стороны главного редактора – Ивана Тимофеевича Фролова. Впрочем, лично знакомы с ним мы в то время еще не были.

Далее, уже работая у Левады, я написал статью, которая была посвящена проблемам социального управления и основывалась главным образом на западных источниках. Позже я узнал, что во время ее обсуждения на редколлегии высказывались сомнения в том, насколько статья приемлема в идеологическом отношении. Однако Фролову статья понравилась, и она была опубликована.

И как раз в то время, когда она проходила различные стадии редакторской подготовки, встал вопрос о моем переходе на работу в редакцию – освободилось место, и я оказался в числе претендентов. Пришел на беседу к Фролову, но, по рассказам сотрудников редакции, в тот раз я ему не понравился. Он начал меня спрашивать, по каким темам я хотел бы искать авторов и готовить статьи, в ответ я сказал что-то вроде того, что хотел бы заниматься философией науки. Оказалось, однако, что сам термин «философия науки» считался идеологически сомнительным (а я этого не знал!), несущим в себе какой-то оттенок чуждой философии, поэтому правильно было говорить «философские вопросы естествознания». Спрашивал меня Фролов и про авторов, которых я хотел бы привлечь, и я в числе первых, естественно, назвал Леваду, которого в то время подвергали жесточайшим идеологическим гонениям. Видимо, Иван Тимофеевич после этого решил, что я недостаточно идеологически подкован, и не стал меня брать в редакцию.

Тем временем, однако, вышла моя статья в «Вопросах», которая сразу же подверглась резкой критике со стороны секретаря Московского горкома партии по идеологии В.Н. Ягодкина. А в тот момент решался вопрос о будущем директоре Института философии АН СССР, и уже практически на всех уровнях была согласована кандидатура Фролова. И здесь-то его противники и нанесли свой удар.

В январе 1973 г. в Кремлевском дворце съездов проходило ежегодное совещание преподавателей кафедр общественных наук, где выступал с докладом упомянутый Ягодкин, который обрушился на только что вышедший в свет номер «Вопросов философии»; в частности, объектом его критики стали статья Карла Моисеевича Кантора и моя статья. После этого выпада путь на пост директора Института философии для И.Т. Фролова был, естественно, перекрыт. И вот здесь-то, возможно, в отместку своим врагам, Фролов и решил взять меня в редакцию. Не было сомнений, что он сделал это демонстративно, ведь он был человеком весьма азартным.

Естественно, эта демонстрация не осталась незамеченной. На одном из первых же заседаний редколлегии после того, как меня приняли на работу, тогдашний заместитель главного редактора Мераб Константинович Мамардашвили, сообщил о том,

что его вызывали в ЦК, где выразили недовольство поведением руководства журнала, которое приняло на работу меня, во-первых, беспартийного, а во-вторых, только что раскритикованного с высокой трибуны. Было сказано, что тем самым происходит «засорение кадров». На этот сигнал нужно было как-то реагировать. И в этот момент Иван Тимофеевич говорит о том, что он вообще не подписывал документы о моем зачислении — он в этот момент был в отпуске, а подпись ставил Мамардашвили, так что Фролов может эту подпись, а стало быть, и мое зачисление, дезавуировать. В ответ все присутствовавшие на заседании члены редколлегии стали дружно говорить, что этого делать не следует, что в публикации моей статьи есть вина и редколлегии, а не только автора, и т.п. Иными словами, редколлегия выразила — а, по сути, была вынуждена выразить мне доверие. Таким образом, я продолжал работать в журнале, а параллельно ходил в ИИЕТ на семинары по системным исследованиям, которые вел мой брат.

А через несколько лет, уже работая в «Вопросах», я снова попал под идеологический каток. Теперь мишенью оказался ежегодник «Системные исследования», да и вся деятельность системщиков из ИИЕТа. В ЦК поступил очередной донос, более-менее ясно, кто его написал. Вслед за этим была развернута целая компания идеологических проверок и разбирательств. В числе крамольных оказалась и моя статья, вышедшая в первом выпуске ежегодника. Работая у Левады в Институте конкретных социальных исследований, я сделал статью «Процессы самоорганизации в малых группах». Она-то, наряду со статьями многих других авторов, и подверглась критике.

Аргументация автора доноса была примерно такой: а мало ли чем может заниматься малая группа — возможно, это будет группа преступников. Как видно, его задевало то, что в статье ничего не говорилось о роли партии в руководстве малой группой. Когда мы составляли ответное письмо, я написал так: если автор доноса столь превратно воспринимает действительность, если при обсуждении взаимодействия людей в малых группах ему на ум приходит, прежде всего, криминальная шайка, то дело, возможно, не в авторе статьи, а в ее читателе, авторе доноса?

В это же время, в самом начале 1976-го года, из-за сердечного приступа умер мой старший брат. В «Вопросах» тогда готовилась статья академика Джермена Михайловича Гвишиани, фактического министра по науке, редактором которой был я. Я приехал в Госкомитет по науке с тем, чтобы снять какие-то вопросы, но только вошел в приемную Гвишиани, как вдруг его помощник сообщил мне о смерти брата, и я тут же помчался к нему домой.

Через полтора года после смерти брата встал вопрос о моем переходе на должность старшего научного сотрудника в ИИЕТ, тот самый институт, в котором мой брат проработал большую часть своей короткой научной жизни. Тогда директором ИИЕТ был член-корреспондент АН СССР Семен Романович Микулинский, и он выстраивал комбинацию с тем, чтобы взять меня к себе в институт, но на определенных условиях. Я как раз опубликовал в «Вопросах» статью про развитие и функционирование научного знания, и эта статья ему понравилась. А у него была такая манера: он любил «пригревать» людей с неблагоприятной биографией. Принять на работу человека, которому почти невозможно где-нибудь устроиться, — значит облагодетельствовать его, а тем самым сделать сильно обязанным по отношению к себе и соответствующим образом использовать эту зависимость, скажем, поручать написание каких-либо материалов для начальства.

Вообще-то, «Вопросы философии» дали мне богатый опыт написания подобных текстов. Я для себя различаю три типа работы, по сути – три различных жанра: 1) за своей собственной подписью; 2) передовые и редакционные статьи (здесь можно расписаться); 3) писать за кого-то.

Когда только я начал работать в журнале, мне как-то было дано два задания. Первое – написать рецензию на книгу Д.М. Гвишиани по организации и управлению, которая должна была идти за подписью академика В.Г. Афанасьева. А второе – написать рецензию на книгу член-корреспондента РАН Д.А. Керимова про философскую сущность права, которая была бы опубликована за подписью академика Б.М. Кедрова. Надо заметить, что Бонифатий Михайлович никогда на подобные вещи не шел, это был исключительный случай, чтобы он подписал рецензию, написанную кем-то. В итоге обе эти рецензии вышли в одном номере, и, более того, получилось так, что кроме них других рецензий в этом номере не было.

И вот Микулинский был уже готов взять меня, но в связи с травлей ежегодника решил повременить, чтобы, с одной стороны, не взять на работу идеологически неблагонадежного сотрудника, а с другой стороны, сделать этого сотрудника более покладистым.

Но этому замыслу не суждено было осуществиться. Как-то, это было в 1977 году, я один сидел в редакции, вдруг в комнату влетает, буквально врывается Кедров и спрашивает меня, не хочу ли я пойти в его сектор. Надо сказать, в ИИЕТе он возглавлял созданный им сектор с несколько странным названием: «История науки и логика». Часто название сектора путали или неправильно понимали. Я ответил: «да, хочу», думая при этом, что Бонифатий Михайлович теперь начнет более или менее длительный и вовсе не простой процесс моего перехода. Но он предложил, даже не предложил, а потребовал немедленно ехать в ИИЕТ для разговора с Микулинским. Когда Кедров сказал ему, что берет меня к себе в сектор, тот пришел в сильное изумление. Меня попросили подождать в коридоре, а они стали говорить один на один, и разговор продолжался примерно час, и в коридор, в котором я ждал, время от времени доносились шумные реплики, в основном Бонифатия Михайловича. Когда меня, наконец, пригласили войти, Кедров объявил, что меня берут в сектор, на что Микулинский заметил, что время от времени будет давать мне задания; Кедров, однако, ответил, что это не должно делаться без согласования с ним. Однажды, когда Кедров болел, Микулинский дал мне задание, но узнав об этом, Кедров вызвал меня к себе домой и сильно за это отругал.

Ю.М.: Сколько лет Вы проработали с Кедровым?

Б.Г.: Около десяти лет (с 1977-го года приблизительно до 1986-го). Пока он болел, я был его заместителем; сектор же был непростой, с одной стороны, междисциплинарный, с другой – многие его сотрудники были с проблемной биографией. Затем, уже в годы перестройки, я стал главным редактором журнала «Вопросы истории естествознания и техники», который был создан Микулинским. В это время директором ИИЕТа ненадолго стал Вячеслав Семенович Степин, который вскоре перешел на директорство в Институт философии; вместе с ним в Институт философии перешли и многие философы, работавшие в ИИЕТе, включая П.П. и В.П. Гайденко, А.П. Огурцова, С.С. Неретину, В.П. Визгина и меня.

С В.С. Степиным я познакомился еще в те годы, когда работал в «Вопросах философии». Журнал время от времени публиковал так называемые «национальные»

номера, составленные целиком из статей авторов, представлявших ту или иную союзную республику. Когда мы готовили белорусский номер, получилось так, что в редакции координировал работу над номером я. И вот, прежде чем поехать в командировку в Минск, я стал наводить справки об интересных белорусских философах, которых можно было бы пригласить для участия в номере. Тогда-то мне и сказали про Степина, причем первым сказал мой брат. Как только мы с тогдашним заместителем главного редактора Андреем Филипповичем Полторацким приехали в Минск, то в первый же вечер с ним встретились и договорились насчет статьи. Правда, некоторые из местных товарищей стали нас отговаривать, рассказывая, что он политически неблагонадежный, что у него имеются взыскания по партийной линии и т.п.

Журнал, однако, не принял это во внимание, статья Степина была опубликована, что сослужило Вячеславу Семеновичу хорошую службу, серьезно укрепив его позиции в Белоруссии. Затем, во многом благодаря его усилиям, Минск стал общесоюзным центром исследований по философии науки, где проводились весьма содержательные конференции и семинары, издавались соответствующие книги.

В общем, ко времени перестройки у нас уже сложились устойчивые контакты. И вот, когда возникла ситуация с поисками того, кто мог бы стать директором Института истории естествознания и техники, Фролов, который в то время был большим человеком в ЦК партии, предпринял немало усилий, чтобы добиться перевода Степина в Москву и его назначения директором ИИЕТ. В меру своих возможностей, конечно, весьма скромных, и я старался убедить Ивана Тимофеевича в целесообразности такого решения.

Ю.М.: Следовательно, Вы поспособствовали передвижению В.С. Степина?

Б.Г.: Ну, я не могу этого утверждать, но, по крайней мере, прикладывал усилия. У Вячеслава Семеновича ведь уже были весьма прочные контакты с московскими коллегами, и во многом они строились именно на почве ИИЕТа. ИИЕТ проводил в Звенигородском академическом пансионате ежегодные семинары по истории, философии и методологии науки, и Степин регулярно туда приезжал.

Встреча, которая изменила жизнь

Ю.М.: И все эти годы Вы были связаны с И.Т. Фроловым?

Б.Г.: Я ушел из «Вопросов философии» вскоре после того, как Фролов, став член-корреспондентом Академии наук, уехал в Прагу, на работу ответственным секретарем международного журнала «Проблемы мира и социализма». И отпускал меня из редакции в ИИЕТ уже Вадим Сергеевич Семенов, который стал главным редактором после И.Т. Фролова. Причем случилось так, что отпускал он меня уже во второй раз.

Первый раз он мне подписывал увольнение, когда я уходил из Института конкретных социальных исследований, в котором провели основательную чистку, коснувшуюся, прежде всего, сектора Ю.А. Левады. Тогда директором ИКСИ назначили М.Н. Руткевича, на которого эту чистку и возложили. Но когда я перешел в «Вопросы», Руткевич был в отпуске, так что мое заявление подписывал В.С. Семенов. Насколько я знаю, из-за этого у него были неприятности, поскольку Руткевич был раздосадован, что меня, несмотря на критику с партийной трибуны, отпустили так просто, без всяких разбирательств и проработок. После Семенова главным редактором «Вопросов» стал Владислав Александрович Лекторский, который и остается в журнале до сих пор.

Ю.М.: Как Вы познакомились с И.Т. Фроловым?

Б.Г.: Он вернулся из Праги – его оттуда «убрали» после того, как один известный тогда философ написал на него донос. В Москве Иван Тимофеевич стал работать в академическом Научном совете по философским вопросам естествознания, который базировался при Институте системных исследований АН СССР. Когда началась перестройка, он опубликовал в «Вопросах философии» свою статью «Ветер перемен». Статья, на мой взгляд, выразила ожидания научной интеллигенции, порядком уставшей от долгого периода застоя. Уже вскоре после выхода статьи Фролов стал главным редактором журнала «Коммунист».

Когда он еще работал в Научном совете, у нас с ним уже были довольно прочные контакты. В свое время, работая при нем в «Вопросах», я вел близкую ему тематику – философские проблемы биологии. Мы организовывали весьма представительные круглые столы, которые были популярны, собирали не только философов, но и крупных ученых-естественников, деятелей культуры и искусства, на этих круглых столах ставились и обсуждались проблемы, которые в дальнейшем разворачивались в целые исследовательские направления, зачастую широкого междисциплинарного характера. В середине 70-х я опубликовал в «Вопросах» статью «Рубежи генетики и проблемы этики», которая была энергично поддержана Фроловым. Также мы вместе делали предисловие к переводной книге видного канадского философа Майкла Рьюза «Философия биологии». Рьюз приезжал в Москву, потом мне довелось побывать у него в Канаде.

Затем, уже в начале 80-х гг., у нас с Иваном Тимофеевичем возникла идея написать совместную монографию «Этика науки». С этого момента наше сотрудничество стало более насыщенным. Он даже пытался взять меня на работу в «Коммунист», но этому помешала моя беспартийность.

Я участвовал еще в одном проекте, инициированном Иваном Тимофеевичем, который касался теории материалистической диалектики. В какой-то момент в конце 70-х годов вдруг обнаружилось, что до сих пор никто не удосужился написать специального труда по материалистической диалектике. На этой волне развернулось что-то вроде социалистической конкуренции, появилось сразу несколько больших команд, каждая из которых взялась за подготовку многотомной монографии по этой теме. Одну команду возглавлял академик Ф.В. Константинов, другую – академик М.Б. Митин; естественно, возникла и питерская команда.

И здесь-то у Ивана Тимофеевича возникла остроумная идея: написать на эту тему одну небольшую книгу. Он собрал команду, в которую помимо него вошли В.А. Лекторский, В.С. Швырев и я, возглавил же коллектив академик П.Н. Федосеев. И вскоре такая книга – «Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории» – была написана, вышла в свет, а в результате оказалось, что большие многотомные труды не очень-то и нужны.

Дальше, как я уже говорил, Иван Тимофеевич занялся партийно-политической карьерой, и в это время возник замысел создания нового поколения учебников по общественным наукам. Были созданы коллективы для написания учебников по политэкономии, научному коммунизму и философии. Я оказался в команде, в высшей степени квалифицированной, призванной подготовить учебник по философии, и стал в ней кем-то вроде ответственного секретаря. Усилиями Фролова нам были созданы фантастические условия: в Звенигородском пансионате

каждому была выделена отдельная комната, не было проблем ни с транспортом, ни с телефонной связью, ни с перепечаткой текстов (в то время, напомним, еще не вошли в употребление персональные компьютеры). В общем и целом, я считаю, что учебник получился хорошим.

Скажи мне, кто твои учителя...

Ю.М.: *Кого Вы считаете своими учителями?*

Б.Г.: Я не могу сказать, что у меня были учителя. К примеру, я работал у Левады и многое от него получил, в т.ч. то, что американский социолог Чарльз Райт Миллс называл социологическим воображением. Хотя я и не стал социологом. Потом работал в редакции «Вопросов» – это вообще центр философской солнечной системы, был там и Фролов, и Мамардашвили. Правда, года через полтора после того, как я пришел, редколлегию переформировали, но были и многие другие члены редколлегии – наши ведущие философы. Там я близко познакомился с Кедровым и очень многое от него получил, но не могу сказать, что он был моим учителем. Правда, он дал мне (да и не только мне, а всему руководимому им сектору «История науки и логика») тему: взаимодействие общественных, естественных, технических наук. Тогда эту формулу воспроизводили от съезда к съезду КПСС, говорили то о взаимосвязи, то о взаимодействии наук, но для нас это, по сути, означало, что можно было заниматься философией науки, социальными проблемами научной деятельности и т.п.

Ю.М.: *Значит ли это, что в рамках этой темы Вы пытались выработать свою систему, классификацию наук?*

Б.Г.: Нет-нет, эта проблематика очень привлекала Кедрова, он много занимался разработкой классификации наук, у него были весьма интересные результаты. Для меня же ближе более «приземленные», если можно так выразиться, проблемы, скажем, выстраивание взаимодействия различных научных дисциплин под какую-то конкретную проблему. Тогда была популярна точка зрения В.И. Вернадского, который говорил, что в науке XX века ученые объединяются не по дисциплинам, а по проблемам.

И такой установки я придерживаюсь до сих пор. Когда обсуждается вопрос о возможности единой науки о человеке, мне представляется, что коль скоро такая наука будет полагаться в качестве всеобъемлющей, то она окажется не очень содержательной. Объединяющим началом единой науки могла бы быть та *ценностная выделенность человека*, которая характерна для нашего восприятия всего окружающего мира: на фоне всего остального мира человек, что называется, ценностно маркирован. Я когда-то писал про аналогичную ценностную маркированность живого в нашем восприятии и о том, как это сказывается на биологическом познании. Но такая ценностная маркированность, вообще говоря, не задает предметного содержания.

Ю.М.: *И все-таки наставники у Вас, несомненно, были: Ваш брат, Кедров, Фролов, Левада – эти люди повлияли на Вас в первую очередь, подвинули Вас в сторону философии.*

Б.Г.: Были еще и И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, замечательный ростовский философ М.К. Петров, В.С. Степин, А.П. Огурцов, В.С. Швырев, В.А. Лекторский. Со Швыревым у нас есть совместно опубликованные тексты, по моему мнению, очень даже пристойные.

Философ или ученый? Круг научных интересов

Ю.М.: *На сегодняшний день, если отбросить все Ваши разнообразные занятия, различные виды деятельности – от редакционно-издательской до научно-исследовательской, считаете ли Вы себя философом или ученым, человеком науки? Кто Вы в плане своей профессиональной идентичности?*

Б.Г.: Все же больше философ. Но при этом я разделил бы философов на два направления: одно направление больше концентрируется на том, что освящено философской традицией, на историко-философской проблематике; второе – ищет проблемы в окружающей действительности и пытается их философски осмысливать. Года два назад академик Ойзерман делал на Ученом совете Института доклад о предмете философии, там он процитировал высказывание Эрика Юдина о понимании проблемности философии, об ее открытости по отношению к встающим перед человеком и человечеством новым проблемам, которые не обязательно рождаются в философии, но в любом случае ею осмысливаются.

Ю.М.: *Но можно ведь предложить и другую схему, как это сделал в свое время К.Х. Момджян. Он различает две философии: ценностно-валюативную, и «научную», ориентированную на обработку результатов науки. Наверное, Вы ближе стоите к последней?*

Б.Г.: Я ближе к ней в том смысле, что считаю, что должны быть какие-то критерии строгости в философском рассуждении, но не более того. В чем-то я согласился, а в чем-то оспорил бы В.М. Межуева, который проводит жесткую грань между философией и наукой, считая, что предмет философии – это свобода человека, наука же занимается тем, что детерминировано. Я бы не ставил для науки такие жесткие рамки, но в то же время считаю, что и в философии должна быть своя строгость.

Ю.М.: *Судя по Вашим текстам последнего времени, Вы мало занимались философией, не считая работ по этике науки. В основном Ваши интересы связаны с пограничными и междисциплинарными исследованиями, в т.ч. биоэтикой, гуманитарной экспертизой.*

Б.Г.: В определенном смысле так оно и было. У меня был – и он остается со мной – опыт работы в Институте человека РАН, который многое для меня значил и значит. Но, вообще говоря, к осмыслению некоторых из этих проблем я обратился еще раньше, когда мы вместе со Степиным перешли в Институт философии.

Ю.М.: *А у Степина в Институте философии Вы чем тогда занимались?*

Б.Г.: Я был в секторе, связанном с этикой науки. Еще работая в ИИЕТе, я защитил докторскую диссертацию в педагогическом институте им. В.И. Ленина, на кафедре В.С. Готта. Со мной работали в секторе А.П. А.П. Огурцов, С.С. Неретина, ныне покойный В.С. Черняк, В.П. Гайденко. Огурцов, С.С. Неретина, ныне покойный В.С. Черняк, В.П. Гайденко.

Ю.М.: *А как Вы пришли к биоэтике?*

Б.Г.: Это было в 1988–1989-м годах. Сюда приехала сильная команда американских философов, занимающихся биоэтикой. Меня, поскольку я уже занимался этикой науки, приглашали на семинары с их участием. В итоге эта проблематика меня очень сильно заинтересовала.

Затем мы поехали в Штаты с ответным визитом. Побывали в Вашингтоне, в Институте им. Кеннеди при Джорджтаунском университете, который занимается биоэтикой. Там проходил Международный симпозиум, в котором участвовал и Фро-

лов. Затем мы побывали в Гастингском центре под Нью-Йорком, одной из ведущих структур в области биоэтики не только в США, но и в мире. Мы были также и в Новом Орлеане на Ежегодном собрании американской философской ассоциации, в рамках которого состоялось отдельное мероприятие по биоэтике, которое получилось советско-американским.

В то время люди из Союза вызывали в западных странах колоссальный интерес. Мне довелось посетить тогда многие страны и наблюдать этот интерес буквально на собственном опыте.

Институт человека

Ю.М.: *А как Вы стали работать в Институте человека?*

Б.Г.: Еще, когда я работал в Институте философии (1990-1991), Институт человека был еще виртуальным, реально же существующей структурой был Межведомственный центр наук о человеке при Президиуме академии. Это был первый шаг на пути реализации задумки Фролова еще 80-х годов: создать вначале Институт человека, а затем журнал «Человек» и Музей человека. Что касается меня, то тогда мне эта задумка не была близка. И лишь когда стал организовываться собственно Институт человека (1992), Иван Тимофеевич сагитировал меня, оказав даже некоторое давление, перейти к нему. Приглашая меня на работу, он сказал, что там я буду заниматься биоэтикой. А я и так уже занимался биоэтикой, еще работая в ИИЕТе и Институте философии.

Ю.М.: *В каком качестве Вы пришли в Институт человека?*

Б.Г.: В качестве заведующего сектором биоэтики. Сектор был маленьким: В.Н. Игнатьев, С.М. Малков, который был аспирантом у Огурцова, и я.

Ю.М.: То есть с этими людьми Вы начинали работу? А когда Вы все-таки восприняли всерьез проект Института человека?

Б.Г.: Это было так. Заместителем директора был В.И. Керимов, хорошо знакомый мне еще по «Вопросам философии», ученым секретарем — психолог Н.А. Носов. Однако у Керимова что-то на замдиректорстве не заладилось, и Фролов, в очередной раз уезжая по своим медицинским делам в Германию, назначил меня своим заместителем, а по сути дела мне выпало исполнять обязанности директора.

Таким образом, мне пришлось заниматься не только биоэтикой, но и всем Институту. Именно в это время и возникла проблематика человеческого потенциала. Произошло это так: Институт получил заказ от Совета безопасности при Президенте РФ на проведение исследования и написание отчета; при этом тематика исследования была задана весьма свободно. Именно здесь-то и возникла мысль выстроить все вокруг проблематики человека, его развития и т.п. И вот, когда мы уже начали все это обдумывать и формулировать, мне показали один из ежегодных докладов ООН о развитии человека. Тут-то я и осознал, что эта — какая-то совершенно новая сфера — содержательная, интересная, перспективная, именно то, что меня устраивает.

Сегодня мне представляется, что каждую (или почти каждую) проблему — социальную, экономическую, политическую и т.п., можно попытаться представить не в виде точки, а в виде некоторого отрезка. При этом одним концом этого отрезка будет человек, а другим — более глобальные вещи, более объемлющие. То есть проблеме можно видеть по-разному в зависимости от того, какой из концов отрезка нас интересует, на каком из них мы ставим акцент. Более привычно для нас подходить

ко всем такого рода проблемам с того конца, где видится некоторое объемлющее социальное образование. Но, как мне представляется, можно обнаружить много интересного и неожиданного, если расставлять акценты иначе, помещая в центр внимания человека, которого так или иначе затрагивает данная социальная, экономическая и т.п. проблема, и его ближайшие, непосредственные окрестности.

Перед Институтом человека стояла еще одна очень серьезная задача. С одной стороны, было важно в определенной мере дистанцироваться от философии, показать, что есть резон для существования Института человека как отдельного научно-исследовательского учреждения, что его тематика не покрывается философией. Поэтому идею *единой науки о человеке* нужно отчасти рассматривать и в этом контексте. С другой стороны, и это я понял уже потом, если развивать Институт человека в таком направлении, как конкретно-научную, а не философскую структуру, занимающуюся изучением человека, то возникают проблемы демаркации во взаимоотношениях с Институтом психологии, Институтом этнологии и антропологии, с которыми нужно так или иначе взаимодействовать, находить как зоны сотрудничества, так и зоны собственных исключительных интересов.

Над этим нам и пришлось думать. Может быть, я не выразил это в опубликованных текстах, но я отчетливо вижу, что есть такое ядро, есть проблематика в научном изучении человека, которая не покрывается ни Институтом психологии, ни Институтом этнологии и антропологии, да и никаким другим из существующих академических институтов. А теперь, после того, как бывший Институт человека стал отделом Института философии, нам уже не нужно дистанцироваться от философии, наоборот нам приходится доказывать то, что мы занимаемся философией.

Ю.М.: *Я пришел в Институт человека позже, а Вы имели отношение к его созданию. Скажите, пожалуйста, в какой мере был реализован замысел Ивана Тимофеевича Фролова в отношении Института человека? Что удалось сделать, а что нет? Удалось ли набрать команду людей или были сделаны лишь первые подступы? Удалось ли совершить прорыв в научной сфере, развернуть интересные исследовательские проекты?*

Б.Г.: *Изначально Институт замыслился Фроловым как маленькая и компактная организация, которая будет заниматься созданием междисциплинарных рабочих групп, привлекая исследователей из разных научных учреждений, не только академических. Тогда это считалось перспективным. Но, увы, этого не получилось — оказалось, что бюрократическая система Академии наук на такое не рассчитана.*

Ю.М.: *Борис Григорьевич! В научном сообществе сложилось одно из мнений, что Фролов создал Институт человека, а Юдин его похоронил. Насколько оно соответствует реальности? Ведь Вам достался Институт не в сформированном виде, а в зачаточном. Да и ресурсов не так уж много было в то время, чтобы иметь развитую инфраструктуру — собственные помещения, лаборатории, оборудование и пр. Насколько оправдана такая оценка? Она имеет место, хотя и не является единственной, есть и другие.*

Б.Г.: *Эта оценка, безусловно, в разных формулировках присутствует в том перечне вопросов, которые Вы подготовили к нашей беседе. Да, я не тот человек, который мог бы быть пробивным лидером. Мне нужно, чтобы со мной работали те, кому интересно.*

Ю.М.: *То есть Вы признаете, что у Вас не оказалось организационной жилки и управленческой хватки? Поэтому Вы не стали заниматься укреплением и развитием Института человека, а законсервировали все, как было до Вашего прихода?*

Б.Г.: С того момента, когда не стало Ивана Тимофеевича, я понял, что есть люди, которые настроены на то, чтобы Институт перестал существовать. Так что мне надо было заниматься не столько организационным творчеством, сколько поиском вариантов спасения в той ситуации, которая, как мне позже стало совершенно очевидно, изначально была безнадежной. Напомню такой эпизод. В.Н. Кудрявцев, тогдашний вице-президент Академии, инициировал комплексную проверку Института, создал для этого комиссию во главе с академиком П.В. Симоновым, которому, насколько мне известно, были даны соответствующие весьма жесткие указания. Однако комиссия – и в этом огромная заслуга академика Ю.П. Алтухова – приняла абсолютно благоприятное для Института заключение о том, что проблематика наша в высшей степени актуальна, что Институт успешно работает, что его не только не следует закрывать, но напротив, ему надо всячески помогать. И что же? После этого мне было сказано примерно такое: ну подумаешь, решение комиссии, много ли оно стоит... И все-таки без Фролова мы просуществовали еще пять лет, а могло быть и меньше.

Ю.М.: *А в какой мере Вы осознаете, свою ответственность за прекращение деятельности Института? Где Вы не доработали и считаете себя за это ответственным?*

Б.Г.: Отвечу так. Когда в 1999 году мы приехали из командировки из Ульяновска вместе с И. И. Ашмариним, я узнал, что умер Фролов (а ведь мы только недавно отметили его семидесятилетие). У меня даже не возникло мысли или намерения становиться директором. И только тогда, когда я приехал в Институт, сотрудники стали говорить мне, что, мол, «надо, Федя», что кроме меня никто не сможет возглавить Институт. Вот именно за то, что я тогда согласился, я себя и упрекаю.

Ю.М.: *То есть Вы просто согласились на уговоры сотрудников, оказались на поводу их мнения?*

Б.Г.: Нет, было еще и такое обстоятельство: я очень рассчитывал на проблематику человеческого развития, человеческого потенциала, считал, что она должна быть востребована. Ведь когда Фролов продвигал идею Института человека, слова о человеке, о человеческом факторе были у всех на слуху. А в 1993 г. была принята Конституция, в которой положения о человеке, его правах и свободах оказались на первом месте... Тогда казалось, что ветер дует в наши паруса, что именно этим-то и нужно заниматься. Но потом в обществе стал меняться идейный климат, обозначились совсем другие приоритеты, выяснилось, что по большому счету на человека, его потенциал, его развитие и т.п., всем наплевать.

Ю.М.: *Но если бы Институт человека не прекратил свое существование, а продолжал функционировать, что бы Вы предложили сегодня для его укрепления и развития?*

Б.Г.: Я думал над этим много лет. Необходимым условием я считаю понимание со стороны общества того, что идеи сохранения и развития человеческого потенциала страны, создания возможностей для самореализации человека – это не какая-то заумная блажь, а то, что больше всего нужно для достойного будущего и всей страны, и каждого из людей, которые в ней живут. Необходима та самая человекоцентрированность, о которой я уже говорил, в качестве нормы повседневной жизни.

Ю.М.: Удивительно, но даже во Вьетнамской академии наук, насколько мне известно, Институт человека выступает головным институтом, координирующим все гуманитарные и негуманитарные подразделения, имеющие отношение к изучению человека. У нас это задумывалось еще Фроловым, но, видимо, не смогло проро-

сти на нашей академической почве. Мы так не смогли собрать в одном научном пространстве все многочисленные антропологии.

Б.Г.: Может, и было какое-то влияние на ситуацию во Вьетнаме. Мне сейчас вспомнился такой эпизод из нашей отечественной научной жизни. В середине 90-х годов В.С. Барулин проводил в МГУ большую конференцию по антропологии, там было представлено множество докладов по самым разным, так сказать, отраслевым антропологиям. Мы, сотрудники Института человека, после ее окончания сидели в том же самом кабинете, где сейчас мы разговариваем с Вами, и обсуждали итоги конференции. Фролова тогда очень волновал вопрос о том, как проблематика Института соотносится с этими отраслевыми антропологиями. Мы пробовали по-разному обозначить варианты нашей тематики, того, чем мы занимаемся и хотим заниматься. В какой-то момент он понял, что слово «антропология» нам не подходит.

Ю.М.: Но ведь именно И.Т. Фролов ввел в научный оборот такой термин, как *общая антропология*.

Б.Г.: Это был один из этапов его исканий.

Ю.М.: Вы хотите сказать, что был не окончательный вариант: *общая антропология* или *общее человекознание*?

Б.Г.: Да. В последние годы он как раз больше склонялся в пользу таких терминов, как «чело­векознание» и «чело­вековедение».

Ю.М.: Но это не очень конкретно. Поскольку Академия наук сформирована по отраслевому признаку, то у нас не оказалось своей отрасли. Не это ли стало основной причиной сокращения Института человека как нестандартного научного учреждения?

Б.Г.: Безусловно. И это относится не только к Институту человека, который изначально задумывался как построенный вопреки отраслевому принципу; сходные трудности испытывает и журнал «Человек». Ведь большинство академических журналов строятся по дисциплинарному принципу. В идеале было бы нужно, чтобы возникла какая-нибудь ВАКовская специальность «общее человекознание».

О стиле руководства

Ю.М.: Борис Григорьевич! Задам Вам свой излюбленный вопрос. Исходя из классической схемы, можно различать авторитарный, демократический и либерально-попустительский стили руководства. Вы как руководитель ближе всего к какому стилю тяготеете — либерально-попустительскому или иному?

Б.Г.: Скорее всего, да. Не забудьте, моей первой исследовательской темой была самоорганизация, и с тех пор у меня сохранились такие установки: если собрать толковых людей и дать им заниматься тем, что они умеют делать хорошо и считают для себя интересным и значимым, то мало помалу они сами начнут взаимодействовать, и взаимодействовать результативно.

Ю.М.: Вы считаете, что нужно предоставить людям свободу самоопределения?

Б.Г.: Да.

Ю.М.: Но ведь здесь таится и опасность.

Б.Г.: Конечно.

Ю.М.: Ведь любое научное подразделение, тем более такая организация, как институт, базируется на научно-исследовательской программе, в которую в какой-то мере интересы каждого должны быть вмонтированы. А так существует опасность вырождения всего проекта или программы в приятную компанию, где всем хорошо, но

ничего не делается в интересах дела. Получается так как в коммунальной квартире, где все сосуществует в общем пространстве, встречаясь иногда на кухне, но их настоящая жизнь сосредоточена в комнатах. Можно ли в таком случае говорить о едином научном коллективе?

Б.Г.: Это не совсем точные аналогии, потому что для меня как руководителя, очень важно, чтобы каждый мог раскрыться.

Ю.М.: А как тогда интегрировать индивидуальные научные интересы?

Б.Г.: Вот сектор Б.М. Кедрова в ИИЕТе был устроен примерно так же. Допустим, А.П. Огурцов занимался существовавшими в истории мысли концепциями развития естествознания, А.А. Печенкин – философией химии, В.А. Волков – корифеями русской профессуры из области химии, то есть каждый делал свое дело.

Ю.М.: Тем не менее, сам академик Кедров выступал интегратором. Возьмите, к примеру, академика Фролова, который создал проект Института человека и смог всю команду подвести под общую идею.

Б.Г.: Не было этого. Как я понимаю, у Фролова было такое представление, что нужно собрать людей под некоторую тематику, и они сами будут определяться, поскольку тематика эта богата и содержательна.

Ю.М.: Я помню эту ситуацию, когда пришел в Институт человека, где каждый чем-то занимался, но не было общей научной жизни, не было каких-то магистральных тем. Одно время, правда, говорили о человеческом потенциале, но этим занималась лишь небольшая группа людей. Остальные были предоставлены самим себе. Правильно ли это с точки зрения организации научных исследований?

Б.Г.: Но и сейчас я никому этого не запрещаю. В отделе разрабатываются все научные сюжеты: и человеческий потенциал, и гуманитарные экспертизы, и биоэтика. И я несколько не буду против, если, скажем, и Вы начнете основательно заниматься какой-либо из них.

Ю.М.: Но как все-таки мобилизовать людей под выполнение определенной программы? Или Вы для себя эту задачу не ставите?

Б.Г.: Как актуальную, нет.

Ю.М.: Но тогда у Вас должна быть другая задача или программа, например, как сохранить разнообразие в научном коллективе, в т.ч. различия в научных интересах, в рамках достаточно широко заданной темы?

Б.Г.: Да.

О научных текстах как форме самовыражения

Ю.М.: Теперь несколько вопросов о производстве научных текстов. Можете ли Вы сказать себе, что это – Ваш главный способ самовыражения, та пружина, вокруг которой формируется Ваше желание работать в науке, то, что Вас стимулирует к творчеству?

Б.Г.: Видимо, да.

Ю.М.: Правильно ли я понимаю, что для Вас написать хороший текст, в котором ясно и четко выражены исходные идеи или сделана попытка решения проблемы – это процесс, который доставляет Вам наибольшее удовольствие?

Б.Г.: Да, конечно.

Ю.М.: И независимо от того, сможете ли Вы донести их содержание до других посредством доклада или лекции, для Вас главное – произвести текст? Иными словами, Вы получаете наибольшее удовольствие от самого процесса подготовки статей?

Б.Г.: Не гедонистическое удовольствие, конечно, поскольку приходится много трудиться.

Ю.М.: Да, это огромный труд. И в этой связи у меня следующий вопрос. Можно условно разделить людей науки на следующие категории. Первая: **теоретики-фундатеры**, которые стремятся создать некую общую теорию и встроить все свои идеи в единую систему координат. Вторая: **концептуалисты**, которые предлагают решение отдельных проблем или групп проблем. Третья: **методологи** – люди, которые знают, как это сделать, какой метод лучше всего подходит для решения проблемы; они в меньшей степени озабочены тем, что представляет собой та или иная область и не пытаются ее проблематизировать, концептуализировать. Вы к какому типу ученых себя относите?

Б.Г.: В этой классификации я, безусловно, вижу себя концептуалистом.

Ю.М.: Считаете ли Вы себя создателем концепции (или концепций), или ее разработчиком? Какие концепции Вам удалось создать за свою научную жизнь?

Б.Г.: Первая моя статья в «Вопросах философии» называлась «Понятие целостности в структуре научного познания» и была, по моему мнению, концептуальной статьей. Еще одна статья, опубликованная там же, про объяснение и понимание в научном познании. Одна из ее идей заключалась в том, что когда создаются теоретические построения, строители при этом используют весь репертуар или резервуар ресурсов культуры.

Ю.М.: Это схема объяснения или процедура понимания?

Б.Г.: Это важно для того, чтобы концепция была понимаема. Изначальная установка – когда я строю новое знание, даже если сижу один, я все равно к кому-то адресуюсь. Создавая что-то новое, я явно или неявно апеллирую к этому адресату.

Еще один важный для меня результат – это то, что я уже упоминал, а именно, – ценностные основания и границы между науками о живом и неживом. Сейчас я работаю над такой же темой применительно к наукам о человеке.

И такая тема, как соотношение функционирования и развития научного знания. Ведь в философии науки долгое время господствовала традиция, идущая из позитивизма, которая резко разграничивала процессы создания научного знания, которые, грубо говоря, совершаются в индивидуальной голове, и процессы его обоснования, которые предполагают взаимодействие между исследователями. Я же пытался показать, что социальность сидит в научном познании очень глубоко. То, что человек якобы сначала порождает новое знание сам по себе, а потом выдает идею обществу – это абстракция, которая иногда бывает полезной, но во многих случаях дает искаженное представление о научной деятельности.

О главном в науке и научном сообществе

Ю.М.: А что Вы считаете своим главным достижением? Где Вы первопроходец, где Вы сделали больше, чем кто-либо другой в научном сообществе?

Б.Г.: Это трудно сформулировать, так как на ум приходят вещи прошлых годов. Из последнего, может быть, это – идея гуманитарной экспертизы. Экспертиза, которая понимается не совсем в традиционном смысле слова. Такая экспертиза, опять-таки, предполагает отталкивание от полюса человека.

Ю.М.: Но все равно идея нуждается в дальнейшем разворачивании и обосновании. Гуманитарная экспертиза пока еще не стала стройной концепцией, ее же предметная область находится в сфере методологии.

Б.Г.: Это не самый интересный для меня момент. Конечно, это важно и интересно, но мне важнее ориентированность экспертизы, которая берет в качестве исходной точки человека с его проблемами и заботами, и направлена на выстраивание человекоцентрированного мира.

Ю.М.: *Гуманитарная экспертиза как попытка выстраивания реальности, центрированной вокруг человека возможна как перестройка всего мира, усилиями не только ученых, но и политиков, многих других специалистов. По сути дела в ней присутствует элемент политики. А какую роль играет в Вашем проекте биоэтика?*

Б.Г.: Биоэтика является для меня мостом к гуманитарной экспертизе.

Когда так выстраиваешь, то какие-то вещи получаются нетривиальными, на что-то можно посмотреть абсолютно по-новому.

Ю.М.: *Кто же для Вас является референтной группой? На кого Вы сегодня опираетесь, когда делаете свои тексты, выступления? Кто эти люди, которых Вы, в первую очередь, принимаете, точнее, имеете в виду?*

Б.Г.: Непросто ответить на этот вопрос. Когда я задумываю написать какой-то текст, то для меня очень важно понять, к кому я буду обращаться. Могут быть совершенно разные референтные группы. Иногда из-за этого возникают некие сложности. Вот я пару лет назад сделал текст на английском языке, который посвящен осмыслению судебного процесса, происходившего в конце 1949 г. в Хабаровске, где судили японских медиков и биологов, которые занимались разработкой и испытанием — на людях, на заключенных — бактериологического оружия. Сейчас я собираюсь сделать текст на ту же тему на русском языке. Но при этом некоторые вещи приходится подавать совершенно иначе. Много из того, что приходилось объяснять зарубежному читателю, для нашего будет самоочевидным. И наоборот, многое из того, что для зарубежного читателя понятно без разъяснений, в тексте, адресованном нашей аудитории, должно быть растолковано.

Ю.М.: *Из трех видов деятельности, которыми Вам приходится заниматься чаще всего, а именно научно-исследовательская, научно-организационная и преподавательская, Вам ближе всего какая?*

Б.Г.: Конечно, исследовательская.

Ю.М.: *В принципе Вы не считаете себя способным популяризатором, оратором, который может донести свои мысли до аудитории доступным и образным языком?*

Б.Г.: Мне приходится в такой роли выступать, иногда вроде получается, но каждый раз требует специальных усилий.

Ю.М.: *Многие говорят о нашем брате, что этот человек лучше пишет, чем говорит, или говорит лучше, чем может донести. Кто Вы больше — писатель, читатель или оратор?*

Б.Г.: Скорее писатель. Хотя бывает по-разному.

Ю.М.: *А с точки зрения другой дилеммы: Вы больше автор или редактор? Что Вам больше нравится делать — творить самому или находить интересные мысли у других людей?*

Б.Г.: В редакторской работе я вижу много интересного — мне нравится найти в тексте автора что-то свежее, оригинальное, попробовать ему помочь, подвигнуть его на то, чтобы он раскрыл свою идею. Ведь я выступаю как первый читатель и одновременно эксперт. Так что в редакторской работе я всегда нахожу свою прелесть.

Ю.М.: *Насколько я понимаю, Вы возглавляли журнал «Человек» с момента его создания, т.е. уже 20 лет. Его создание тоже было одной из инициатив Ивана Тимофее-*

вича. Насколько изменился журнал за прошедшие 20 лет? Стал ли он другим по сравнению с тем, каким он был в начале? Что в нем изменилось благодаря Вашему участию?

Б.Г.: Безусловно, он стал другим. Первоначально он был чрезвычайно широким по своей тематике, может быть, даже излишне широким. Но со временем некоторые вещи отошли.

Ю.М.: *Как Вам удалось сформировать проблемно-тематическое ядро журнала?*

Б.Г.: Здесь я, опять-таки, выдвинул бы на первое место какие-то ценностные моменты. Пытаться поддерживать гуманистические ценности науки (которая, конечно, все время эволюционирует, изменяется). И наряду с этим – традиционно-гуманистическую установку в отношении того, что есть человек, это, как мне представляется, сегодня весьма актуально.

Ю.М.: *Я как редактор могу сказать, что лицо междисциплинарного журнала меняется в зависимости от преобладающей проблемной или дисциплинарной ориентации: более философский, социально-антропологический, или социологический. Имеется ли в Вашем журнале какой-либо дисциплинарный крен?*

Б.Г.: Пока что я такого не замечал.

Ю.М.: *Получается, что Ваш журнал преимущественно гуманистический или гуманитарный?*

Б.Г.: И гуманистический, и гуманитарный. Хочется давать больше материала о том, что современные естественные науки могут сказать о человеке: здесь много интересного, но есть и много зияющих пустот.

Ю.М.: *Еще один вопрос. В сегодняшней философии преобладают исследователи-интерпретаторы, т.е. те, кого В.М. Межуев называет философоведами, но имеются также и самобытные, оригинальные мыслители. Как Вы считаете, кто входит сегодня в элиту отечественной философии? Как бы Вы обозначили географию лидерства в философском сообществе? Где находится центр тяжести?*

Б.Г.: На мой взгляд, хотя я могу ошибаться, сегодня сложилась такая ситуация, которой не было лет тридцать назад. Сегодня Институт философии – это такой центр, который выступает в качестве безусловного лидера философского сообщества.

Ю.М.: *А что же определяет в первую очередь лицо Юдина как ученого и философа? Есть ли у Вас своя «изюминка», черта, которая отделяет Вас от множества других исследователей? Что особенного Вы привнесли в философскую мысль России?*

Б.Г.: Возможность оригинального взгляда на проблемы, может быть, даже вполне известные, возможность увидеть что-либо по-новому.

Ю.М.: *Как Вы относитесь к теме преждевременной смерти. Определяет ли смерть смысл Вашего существования и задает ли она вектор Вашей последующей жизни? Бойтесь ли Вы умереть?*

Б.Г.: Напомню, что для меня одно из самых тяжелых переживаний – смерть моего брата, которую я считаю преждевременной. Это наложило печать, в том числе и на мои последующие размышления о том, чем я занимаюсь и, что меня интересует. Это представляется мне ферментом, который заставил меня очень основательно осознать уникальную ценность и уникальность человеческой жизни. Когда я говорю про человекоцентрированное видение, то, возможно, отправной точкой для меня было именно то событие. Ну, в принципе, любая смерть преждевременная, также как и любой человек смертен. Слово «преждевременная» здесь слишком нагруженное. Для меня важно, чтобы у человека были возможности себя осуществить. И се-

годня мир представляет таких возможностей намного больше, чем было когда-либо прежде. Наше время, при всех трудностях и тяготах, было насыщенным, интересным. Это с одной стороны. А с другой – говорят, что когда у человека много возможностей, то должна быть и возрастающая мера ответственности. Может, в идеале хотелось бы, чтобы человек уходил тогда, когда он сам сочтет это нужным и возможным.

Ю.М.: *А Вы можете сказать, что уже написали главную книгу своей жизни?*

Б.Г.: В буквальном смысле не могу сказать, скорее нет. У меня есть еще о чем писать. Но что-то я все-таки обозначил в своей научной деятельности.

Ю.М.: *У Вас был период, когда Вы находились на грани жизни и смерти. Отдавали ли Вы себе в этом отчет? О чем Вы в это время думали?*

Б.Г.: Как-то очень уж глубоко об этой грани не думал. В некотором смысле была даже забавная ситуация. Я понимал, что могу уйти в любой момент. Но тогда это не было для меня предельным вопросом.

Ю.М.: *Правильно ли я понял, что предельной стала для Вас смерть брата, а не Ваши личные проблемы со здоровьем? Если бы Вы точно знали, что Вам остался год жизни, что бы Вы стали делать в первую очередь?*

Б.Г.: Да, смерть брата оказала на меня глубокое воздействие. Относительно себя и своей смерти я затрудняюсь что-либо сказать. Сейчас как-то бессмысленно об этом говорить, так как это новое психологическое состояние и я не знаю, как буду себя ощущать, и о чем буду думать.

Ю.М.: *Спрошу по-другому. Предположим, что через год Вам придется куда-нибудь уехать по независящим от Вас обстоятельствам и расстаться навсегда с наукой. Что бы Вы в первую очередь сделали, чтобы достойно завершить и этот год, и всю Вашу научную деятельность?*

Б.Г.: Я все же человек эмпирический и этим ограничивается полет моего воображения. Во многом я живу тем, что осмысливаю свой опыт, уже имеющийся.

Ю.М.: *То есть о будущем Вы предпочитаете не думать?*

Б.Г.: Я могу размышлять о будущем в том смысле, чтобы к какому-то времени успеть что-то сделать.

Ю.М.: *Хорошо. Попробую еще раз. Вернемся к стартовой жизненной позиции. Вы только что закончили Бауманское училище и при этом не было влияния брата и других людей, которые подвигли Вас перейти в область философии. Вы уверены, что сделали бы тот же выбор и избрали своей профессией философию и гуманитарные науки?*

Б.Г.: Стопроцентной уверенности у меня нет, конечно. Об этом я не раз размышлял. Нужно сказать, что я все время испытываю глубочайшую благодарность по отношению к брату за то, что он подвиг меня на это, за то, что именно здесь я нашел себя. Я как-то пытался ставить себя на его место, примеривать на себя тот период, когда он подталкивал меня перейти на новую стезю. И в эти моменты я начинал понимать, что тем самым он брал на себя такую ответственность, взять которую я, возможно, был бы не готов. Но, как бы то ни было, я ему очень благодарен.

Ю.М.: *Спасибо, Борис Григорьевич, за Ваше искренне желание быть откровенным и естественным. Что же у нас получилось, судить теперь не нам, а нашим читателям.*

Примечания

1. В словарях можно найти следующие определения: *протагонист* (греч. *prōtagōnistēs*, от *prōtos* – первый и *agōnizōmai* – состязаясь) в древнегреческой трагедии первый из трех актеров, исполнитель главной роли – героя или героини; *антагонист* (лит.) – персонаж (или группа персонажей) какого-либо про-

изведения, активно противодействующий протагонисту (или протагонистам) на пути к достижению его целей. В классической литературе роль антагониста играет верховный злодей, а протагониста — главный герой, однако в более современных произведениях их роли зачастую меняются, создавая более сложные и запутанные конфликты. В реальной жизни протагонистом может быть человек, исполняющий роль положительного героя, а не являющийся таковым на самом деле, антагонистом — человек, не соблюдающий официальных предписаний и идущий собственным путем, не взирая на сложности и противоречия. В обыденном же понимании протагонисты и антагонисты — это «хорошие» и «плохие» парни, т.е. лица, играющие «по правилам», исполняющие предписанный им сценарий, с одной стороны, и люди, противостоящие официальным нормам, способные на собственный выбор.

П.С. ГУРЕВИЧ

ЖИЗНЬ КАК АВАНТЮРА САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Узнав о том, что я завершаю автобиографическую книгу под названием «Моя жизнь как неудавшийся проект», моя слушательница спросила:

— Вы это серьезно?

— Да, серьезно, ответил я.

Название моей работы не предполагает ни иронии, ни кокетства. Моя мама была крестьянкой, она окончила два класса сельской школы, писала крупными буквами, с трудом. Отец работал кузнецом в кузнице, которую построил еще прадед. Его образование — четыре класса хедера. Два моих брата и сестра были вынуждены уйти из школы после шестого класса. Учился я на собственные деньги и тем, что получил высшее образование, обязан отцу. Он прошел всю войну и погиб за несколько месяцев до победы. В последнем письме отец просил меня не бросать школу.

Учась в седьмом классе, я создал в родном городе (Улан-Удэ) детский радиотеатр. Моим наставником в искусстве был Сергей Владимирович Каллиоппи, талантливый питерский режиссер, который основательно готовил меня к будущей театральной карьере. Поступил я все же на историко-филологический факультет Уральского государственного университета, играл разные эпизодические и даже главные роли в драматическом театре г. Свердловска. Одновременно преподавал психологию в военном училище.

А причем тут профессиональное кредо? Пусть простит меня взыскательный читатель. Без этих биографических подробностей невозможно понять, почему я пробую свои силы не только в философии, но и в психологии, истории, филологии. Профессиональные философы относятся с известной усмешкой к моим увлечениям. Один признанный мэтр хорошо поставленным актерским голосом говорит:

— Гуревич, конечно, не философ...

Понимаю, что философия — женского рода и как таковая не терпит равнодушного к себе отношения, а тем более совместительства. Завидую тем, у кого философ-

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН (Москва). Наш постоянный автор. E-mail: gurevich@rambler.ru.
